

Ирис Норд

**Станция,
которой нет**

Ирис Норд

Станция, которой нет

<https://litres.ru/74504879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Под Ветровском есть сокрытый мир – место, где живут все жизни, от которых люди когда-то отказались. Оно не исполняет желания. Оно помнит цену каждого «нет» – и требует эту цену у всякого, кто решится войти.

Чтобы найти мать, пропавшую десять лет назад, Мире придётся довериться единственному, кто знает путь вниз, – Льву, чья семья хранит о её прошлом куда больше, чем говорит вслух. И решить, готова ли она наконец выбирать сама – даже если однажды придётся встретиться с той, кто когда-то выбрала иначе.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ирис Норд

Станция, которой нет

Пролог

Диспетчерская дремала тем особым, дежурным сном, в котором самым громким событием смены обычно оказывается пролитый на клавиатуру чай. Немолодая дежурная жевала карандаш над кроссвордом: где-то в углу сетки упрямо не желало вписываться слово «сомнение». Напарник, парень помоложе, подкатил кресло ближе и в третий раз предложил не подходящий по буквам вариант.

В двадцать три семнадцать на щите моргнула красная точка.

— Так, — дежурная отложила кроссворд и подкрутила громкость селектора. — У нас скачок по питанию на законсервированном участке возле «Северного Разреза». Секунды на три, не больше. И сигналка сработала.

— Там сигналки вообще быть не должно, — напарник придвинулся ещё ближе. — Участок лет пятнадцать как обесточен.

— Вот и я о том же.

Она набрала номер бригады, коротко продиктовала координаты неполадки и повесила трубку, не дожидаясь во-

просов. Через час короткая запись ляжет в журнал обычной строчкой: ложное срабатывание, скачок напряжения. Спустя ещё десять лет та же строчка превратится в сухую газетную заметку об аварии на станции и однажды окажется в посылке без обратного адреса, у девочки, которая пока даже не родилась для этой истории. Но в двадцать три семнадцать дежурная знала только одно: кроссворд подождёт до конца смены.

Старший смены не любил внеплановые обходы, а меньше всего – законсервированные участки, где инструкция предписывала действовать по протоколу. Протокол, в отличие от нормальных тоннелей, ничего не говорил о дверях, которых там быть не может.

– Семёныч, ну реально, – канючил младший, поправляя на плече сумку с путевыми ключами. – Автоматика там убитая совсем. Реле щёлкнуло, вот и вся авария. Обязательно было тащиться по такой сырости?

– Положено, значит тащимся, – буркнул старший, не оборачиваясь.

Тоннель встретил их сыростью, запахом ржавого металла и той тишиной, в которой даже капель с потолка звучит слишком отчётливо. Законсервированный участок начинался незаметно: рельсы вдруг переставали блестеть, покрывались ровным слоем пыли, будто здесь однажды забыли завести часы и так и оставили лежать без дела.

Старший поднял фонарь и остановился.

Там, где по схемам, которые он знал наизусть, полагалась глухая монолитная стена, темнел дверной проём. Тяжёлая деревянная створка, тёмная от времени, сидела в бетоне так плотно, словно стояла тут с самого дня, когда достраивали перегон.

— Это... — младший осёкся, не сделав больше ни шагу. — Я тут неделю назад кабель проверял. Стена ровная была. Вот прямо тут.

— Тихо, — старший молча раскрыл служебный журнал и отметил время дрогнувшим почерком. Потом снял с пояса рацию, выдвинул антенну. — Диспетчерская, ответьте первому обходному. Мы на участке «Северного Разреза». Обнаружен посторонний конструктивный элемент в своде. Прошу...

Договорить он не успел.

Створка дрогнула и бесшумно приоткрылась, без единого звука, каким полагалось бы сопровождаться движению рассохшегося дерева. Из проёма, шагнув прямо на щебёнку, вышла женщина.

Серое дорожное пальто, перехваченное на талии простым ремнём. Шарф с плотной вышивкой: незамкнутые круги, перекрещенные линии, что-то похожее не то на пороги, не то на стрелки часов. Луч фонаря упирался ей в плечо и грудь, выше подниматься не желал, и лицо так и осталось в тени, сколько старший ни держал руку на весу.

— Стойте на месте, — сказал он, отступая на полшага. — Это закрытый режимный участок, сюда посторонним нельзя.

Женщина не ответила и не пошла на них. Она прошла мимо, к рельсам, и там остановилась.

В ладони у неё было два предмета. Латунный жетон, круглый, потёртый, с рядом мелких насечек по краю, будто его когда-то не раз пропускали через старый компостер, и один зубец на ободке стёрся заметнее остальных, точно жетон много лет держали в кармане одной и той же рукой. И карманные часы в потемневшем корпусе, с тремя стрелками вместо положенных двух: третья бежала по кругу в своём, ни на что не похожем темпе.

Пальцы на мгновение сжались крепче. Потом медленно разжались, будто это стоило какого-то отдельного, невидимого усилия.

Из темноты за приоткрытой дверью раздался голос, мужской, ровный, без нажима:

– Ты уверена, что готова выбрать только одну из них?

Женщина не обернулась. Она разжала пальцы до конца, и жетон с часами легли на рельс с двойным глухим стуком.

– Эй, – подался вперёд младший обходчик. – Вы это... кто вообще такая?

Женщина подняла голову. Взгляд скользнул мимо старшего смены, туда, где стояли оба обходчика с фонарями, словно голос за дверью она вовсе не расслышала.

– Передайте Воронову: маятник качнулся. Девочка почти выросла, – сказала она, и в голосе не было ни страха, ни просьбы, только ровная усталость человека, давно перестав-

шего спорить сам с собой.

– Кому передать? – старший шагнул к ней. – Гражданка, назовите себя...

Створка у неё за спиной дрогнула и пошла назад, так же бесшумно, как открывалась. Женщина не отступила и не бросилась внутрь. Она просто исчезла из круга света вместе с закрывшейся дверью — одно было продолжением другого.

Луч фонаря прошёлся по стене.

Проёма не было: ни щели, ни петель, ни полосы другого цвета в бетоне. Только монолитная кладка, влажная и холодная, точно такая же, как и по всей длине тоннеля.

– Это что сейчас было? – младший смотрел то на стену, то на старшего.

Старший смены не ответил. Он опустил фонарь ниже, туда, где на ржавом рельсе лежали жетон и часы. Третья стрелка на циферблате продолжала свой ход, будто ей не было никакого дела до всего остального.

Рация на поясе зашлась коротким аварийным сигналом.

– Первый обходной, ответьте диспетчеру, – прорезал помехи знакомый голос. – Статус участка. Повторяю, доложите статус участка.

Старший смены поднёс рацию к губам и не нашёл, с чего начать.

Глава 1

Капля сорвалась с медного носика и упала в раковину с глухим, чуть смазанным звуком. Потом ещё одна. Потом ещё.

Мира открыла глаза, полежала немного, слушая, как этот звук расползается по тихой квартире, и лишь потом сбросила плед. На кухне было зябко. Она скомкала полотенце, подсунула его под кран, и капель сразу стала глуше, будто нехотя согласилась подождать до утра.

Отец обещал добраться до прокладки ещё в прошлый вторник. Потом в субботу. Потом просто перестал уточнять день.

Снизу, сквозь доски пола, доносился ровный стук молоточка по металлу. Значит, отец уже в мастерской, хотя на часах было без малого восемь.

Мира оделась, стянула волосы в хвост на затылке, и тут же одна прядь, как обычно, выскользнула и легла на щёку. Она заправила её за ухо, мельком глянув в зеркало: серо-зелёные глаза, доставшиеся от отца, а у самого зрачка, если приглядеться, тонкое золотистое колечко, замеченное давно и никогда всерьёз не обсуждавшееся, ни ею, ни отцом. Просто ещё одна семейная примета, вроде родинок.

На улице пахло сырым асфальтом и хлебом из пекарни за углом. Чугунные часы на перекрёстке показывали половину

девятого. Мира машинально сверила их со своими наручными и пошла дальше, привычно огибая каждую выбоину на Ремесленной, которую выучила лучше собственной комнаты.

Она открыла мастерскую своим ключом, включила лампу над рабочим столом и первым делом проверила, всё ли на месте: пинцеты в ряд, маслёнка закрыта, отвёртки стоят рукоятками вверх. Привычка, оставшаяся с двенадцати лет, когда она однажды не досчиталась любимого инструмента и полдня не могла успокоиться.

Отец появился в четверть десятого, впуслав внутрь запах утреннего тумана и свежих рогаликов в бумажном пакете.

– Доброе утро, – сказал он, стряхивая с плеч влагу. – Начальство изволило проверить соседние лавки и теперь готово изображать процветание.

Переступая порог, он быстрым, почти незаметным движением сунул в карман фартука сложенный вчетверо листок. Мира всё равно заметила: пальцы у отца в такие моменты двигались иначе, скованнее, будто он боялся уронить бумагу и тем самым выдать себя.

– Кран опять всю ночь капал, – сказала она, садясь за свой край верстака.

– Неправда. Он просто ведёт переговоры с раковиной.

– И кто побеждает?

– Пока раковина. Но я не сдаюсь.

– Ты обещал на прошлой неделе.

– На днях, – он улыбнулся чуть шире, чем требовалось для этой шутки. – Дни в этом месяце какие-то неудачные попадают.

Мира могла спросить про листок. Могла сказать, что заметила красную полосу в верхнем углу бумаги, пока он складывал её. Но она знала этот тон достаточно хорошо: он означал не «никогда», а «не сейчас», и с этим она давно научилась мириться, как мирился с её собственным молчанием, и он сам.

– Тогда назначь ему выходной, – сказала она вместо этого.

– Невозможно. Он единственный сотрудник, который приходит вовремя.

Отец прошёл к своему столу, разложил инструменты, и утро потекло привычно: тиканье, скрип стула, звон мелкой детали о лоток. Мира достала из ящика заказ, оставленный с вечера, и склонилась над разобранным механизмом.

Колокольчик над дверью звякнул около половины двенадцатого резче обычного.

В мастерскую вошёл грузный мужчина в дорогом, но плохо сидящем пальто, держа в руке открытый футляр с карманными часами. Отец в этот момент как раз собирался в подсобку за деталью для соседнего заказа и, кивнув посетителю, скрылся за дверью, оставив Миру одну перед прилавком.

– Мне нужен мастер, – заявил мужчина с порога. – Немедленно.

– Здравствуйте, – Мира отложила пинцет. – Что случи-

лось с ходом?

– Случилось! – он сунул часы ей чуть ли не под нос. – Спешат на двадцать минут в сутки, а вчера вообще встали посреди совещания!

Мира повернула заводную головку. Пружина была натянута до предела, на ободке виднелась свежая царапина от сильного удара. Часы не сломались сами по себе, их уронили, а потом с силой провернули головку назад, сорвав зубья фиксатора. Работа мастерской тут была ни при чём.

– Заводная пружина перетянута, – сказала она. – Здесь сорван фиксатор.

– Мне тут яйца учат разбираться, ребёнок, что ли, чинил? – мужчина побагровел. – Никита обещал нормальную работу, а не это.

Слова уже стояли у Миры в горле, точные и справедливые: часы повредили небрежным обращением, и вины мастерской в этом нет. Она понимала это ясно. Так же ясно она понимала, что спор займёт время, что отец вернётся раздражённым, а клиент разнесёт по соседним лавкам слух о неумехах за прилавком.

– Мы всё переделаем, – сказала она. – Бесплатно, по гарантии. Оставьте до завтрашнего вечера?

Мужчина недоверчиво прищурился, явно готовый ругаться дольше, но, не встретив сопротивления, шумно выдохнул и бросил футляр на прилавок.

– То-то же. Чтобы к завтрашнему дню тикало как поло-

жено.

Дверь за ним захлопнулась, колокольчик звякнул тонко и неприятно. Отец вышел из подсобки с маленькой коробкой в руках, увидел спину уходящего клиента и напряжённое лицо дочери.

– Что случилось?

– Ничего особенного, – Мира взяла инструмент, чтобы занять руки. – У него часы разболтались, просил переделать. Я сказала, что сделаем.

– Настроение у него было такое, будто ты ему в суп плюнула.

– Немного покричал, – призналась она, стараясь, чтобы голос звучал легко. – Обычное дело.

Отец посмотрел на неё дольше обычного, но настаивать не стал.

– Ладно, – он вздохнул. – Заказ Дмитрия Ильича сегодня надо доделать, у нас и так пара дней просрочки.

Ели они прямо за верстаком: хлеб, сыр, два сваренных с утра яйца.

– Латунные пружины опять подорожали, – отец разглядывал яйцо с таким видом, будто оно лично виновато в ценах поставщика. – Латунь нынче, видимо, добывается на другой планете.

– Можно перейти на стальные.

– Можно. И ещё начать чинить часы молотком.

– Ты иногда чинишь часы молотком.

– Только когда они первые начинают.

Мира улыбнулась и откусила хлеб. Отец сидел напротив, подперев щеку рукой. След от налобной лупы, который некогда толком не проходил, темнел на лбу красноватой полосой. Верхняя пуговица рубашки была расстёгнута, как всегда, и из-под воротника виднелся небольшой тёмный контур, похожий на уголок какого-то знака. Мира видела эту деталь столько раз, что давно перестала её замечать, как не замечают родинку на знакомом лице.

– А кран? – спросила она.

– Кран работает. Просто проявляет характер.

– Капающий характер.

– Очень настойчивый.

После обеда работа потянулась медленнее. К четырём Мира пересела ближе к окну, чтобы собрать узел баланса при дневном свете, и на несколько секунд подняла глаза, давая отдых зрению.

На фасаде дома напротив висели круглые уличные часы. Секундная стрелка вдруг дёрнулась, будто споткнулась о невидимый порог, замерла на долю мгновения и снова пошла ровно, как ни в чём не бывало.

Во дворе бродячая кошка застыла у глухой кирпичной стены. Она не принюхивалась и не оглядывалась по сторонам, только смотрела в кладку немигающим взглядом, словно там, посреди сплошного камня, был проход.

Мира моргнула, раздражённо заправила за ухо снова выбившуюся прядь.

– Глаза, – сказала она себе.

От мелкой работы под лупой действительно начинало рябить в глазах, а часы наверняка дёрнулись из-за старого механизма, изношенного не первый год. Она наклонилась над столом и снова взялась за пинцет. Через минуту кошка потеряла интерес к стене и неторопливо ушла к мусорным бакам.

Вечерело, отец начал закрывать мастерскую, убирая инструменты с той же тщательностью, с какой заводил самые капризные механизмы.

– Иди домой, – сказал он. – Я тут ещё запру сам.

– Мы можем вместе.

– Можем. Но ты с самого утра на ногах.

– А ты с ночи.

– Я старше, мне положено изображать выносливость.

– У тебя плохо получается.

– Зато уверенно.

Мира надела куртку. Уже у двери отец добавил, чуть тише, чем говорил обычно:

– Кстати. Завтра же у тебя день рождения.

– Заметил всё-таки, – она обернулась с улыбкой.

– Обижаешь, – он отложил тряпку. – Что-нибудь придумаем, не сомневайся.

Перед этими словами он сделал короткую паузу, почти незаметную. Мира её слышала так же ясно, как утром заме-

тила листок в его кармане: конкретики за обещанием пока не было никакой, только желание, чтобы завтрашний день не прошёл незамеченным.

— Придумаем — это хорошо, — сказала она легко, будто ничего не заметила, и толкнула дверь. — Не задерживайся сильно.

На углу уличные часы показывали без двадцати восемь, ровно, без единой странности. Мира прошла мимо, не задерживая взгляд.

У арки она обернулась. В окне мастерской горел свет. Отец стоял один, доставая из ящика стола потрёпанную тетрадь. Он раскрыл её на середине, там, где страницы были исписаны мелкими колонками цифр, снял очки, потёр переносицу и снова надел их.

Мира могла вернуться. Могла постучать в стекло и спросить прямо.

Она не вернулась. Отец не любил, когда его заставляли за такими делами, и, войди она сейчас, он бы просто закрыл тетрадь и начал шутить. Оба бы устали сильнее, а разговор всё равно бы не состоялся. Она отвернулась и пошла домой.

Дома было тихо. Мира разогрела вчерашний суп, поела за маленьким столом в одиночестве и долго смотрела на вторую тарелку, прежде чем убрать её обратно в шкаф.

Она вымыла посуду, снова подоткнула под кран сложенную тряпку и легла, не раздеваясь до конца, натянув плед до самого подбородка.

Через минуту снизу, из труб или из мастерской, донёлся знакомый звук.

Кап. Пауза. Кап.

Усталость, сказала себе Мира, закрывая глаза. Обычная усталость после долгого дня.

Кап.

На этот раз тряпка не помогла.

Глава 2

Будильник в телефоне надрывался ровно до того момента, пока Тая, не открывая глаз, не притушила его одним точным шлепком по экрану. Судя по показаниям на дисплее, сделала она это давно, ещё во сне, а проснулась уже сама, минут на сорок позже, чем планировала. Комната встретила её ровным серым светом из окна и мотком чёрного кабеля, свесившимся с подоконника почти до пола, будто он всю ночь пытался куда-то уползти, да так и остался на середине пути.

Тая села, обвела взглядом привычный хаос и мысленно поздоровалась с каждым его элементом отдельно. На табурете лежали друг на друге три блокнота, подписанные крупным маркером: «лестница на Ключевой», «гул под мостом», «не отвечать после третьего звонка». Штатив у стены стоял с разболтанной ногой, которую Тая обещала себе подклеить ещё в прошлом месяце. Камера заряжалась рядом с чашкой, где вчерашний чай успел покрыться плёнкой и, судя по виду, уже смирился со своей судьбой. На стене возле двери, между фотографией старой трамвайной остановки и листком с расписанием электричек, висело маленькое круглое зеркальце в потёртой оправе, — оно находилось там так давно, что Тая перестала его замечать как отдельный предмет, а воспринимала скорее как часть стены.

– Доброе утро, будущая звезда городских легенд, – сказа-

ла она в потолок.

Потолок вежливо промолчал.

Тая потянулась за телефоном и первым делом, ещё толком не разлепив глаза, открыла статистику вчерашнего ролика. Комментарии делились на три устойчивых сорта, как крупа на сите. Одни требовали продолжения: «сходи туда ночью», «ты не проверила подвал». Другие настойчиво советовали заняться чем-то более осмысленным: «нормальные люди дома сидят», «вас там когда-нибудь привалит». Третьи просто сообщали свои личные приметы, не тратя времени на объяснения, откуда они взялись. Один подписчик, скрывавшийся за именем «Лампочка_в_коридоре», написал коротко и без затей: «если объявление без номера платформы – не отвечайте». Ни контекста, ни продолжения – просто голая примета, брошенная в комментарии, как записка в бутылке. Тая скопировала фразу себе в заметки, в папку с гордым названием «Потом не говорить, что я не предупреждала», и только тогда наконец выбралась из-под одеяла.

Звонок Мире был таким же обязательным утренним делом, как чистка зубов, только с той разницей, что зубы Тая иногда пропускала, а звонок — никогда.

– Ты живая вообще? – спросила она, одной рукой пытаясь на ощупь найти под кроватью второй кроссовок. – Или у вас там мастерская уже окончательно ушла под воду?

– Доброе утро, – отозвалась Мира. Судя по гулкому эху, она была уже среди прилавков.

– Это не ответ, – Тая, наконец выудив кроссовок, запрывала на одной ноге, вправляя в него пятку. – Кран, кстати, живой ещё? Или у вас там уже подводная лодка, метр воды на кухне, рыбки плавают?

– Капает, – в голосе Миры мелькнула короткая, привычная сухость. – Папа обещал на днях посмотреть.

– Ага, «на днях». Твой Никита эти «на днях» произносит, кажется, ещё с прошлого вторника, я запомнила исключительно по упорству, с каким это повторяется.

– Значит, скоро юбилей у фразы.

– О, у нас тут ирония с утра, – Тая усмехнулась, натягивая через голову куртку. – Значит, жива и почти в форме. А ты сама-то как? Всё нормально, не заперлась там навечно среди шестерёнок?

Пауза перед ответом вышла едва заметной, но Тая её услышала — она вообще улавливала такие вещи чуть лучше, чем следовало бы, издержки профессии, приучившей ловить малейший сбой в чужой ровной речи.

– Всё нормально, – сказала Мира тем самым голосом, которым обычно закрывала неприятную тему, не желая обидеть собеседника прямым отказом говорить.

Тая могла бы надавить, перечислить варианты: деньги, работа, отец, очередной вредный клиент. Но давить на человека, который явно не готов пустить тебя дальше порога разговора, — последнее дело, а Мира именно так и звучала: дверь приоткрыта, но входить пока не приглашают.

– Ладно, верю на слово, – Тая перевела тон в шутку. – А насчёт завтра вообще что-то решили? Или как обычно делаем вид, что дня рождения не существует, и Никита испечёт что-нибудь символическое со свечкой в единственном числе?

– Не знаю пока. Наверное, что-нибудь придумаем.

– Ладно, я тогда тоже что-нибудь придумаю, – Тая подмигнула зеркалу шкафа, будто Мира могла это увидеть через трубку. – Загляну вечером на чай, если успею уже собраться.

– До вечера.

– До вечера, чучело.

Она сбросила вызов и ещё пару секунд смотрела на погасший экран, чувствуя лёгкое, необъяснимое неудобство – не то чтобы что-то случилось, просто интуиция, привыкшая замечать мелкие несовпадения тона, отметила: у подруги что-то не так. Опять, наверное, деньги. Или опять работа. Или всё сразу, как обычно у Вороновых.

– Ладно, потом разберёмся, – сказала она вслух и полезла за микрофоном.

Крепление петличного микрофона обладало, по глубокому убеждению Таи, отдельной злой волей. Она пристегнула его к воротнику, повернулась к зеркалу — микрофон сполз набок, точно хотел разглядеть что-то за левым плечом. Поправила — сполз снова, теперь уже почти под подбородок.

– Вот, видели? – Тая развела руками перед невидимой камерой, хотя настоящая лежала на зарядке и её пока даже

не включили. — Это техника меня ненавидит лично. Не абстрактно, не в рамках общей неприязни к пользователям — лично, по имени.

На третий раз она прижала зажим пальцем секунд на пять, словно убеждая упрямую железку в серьёзности своих намерений, и на этот раз крепление осталось на месте.

— Ну наконец-то договорились.

Следующим номером программы шёл радиосканер — потрепанный прибор с треснувшей антенной, который держался под странным углом и не складывался до конца. Тая открыла крышку батарейного отсека: одна батарейка почти сдохла, вторая держалась получше. Индикатор мигнул тускло-жёлтым и погас.

— Сегодня без героизма, — сказала она, постукивая по корпусу. — Нам нужен только фон, не судьба мира.

Батареек должно было хватить, если не держать сканер включённым часами подряд. В крайнем случае оставался телефон — тот, конечно, половину старых диапазонов не ловил и норовил что-то обновить в самый неподходящий момент, но недостатки техники Тая давно привыкла считать частью её характера.

Она застегнула молнию рюкзака, уже взялась за дверную ручку — и вернулась. Сняла со стены маленькое зеркальце в потёртой оправе и, не задумываясь, сунула его в наружный карман сумки. Она делала так по давней привычке, ещё с тех пор, когда сама не могла бы объяснить, зачем оно ей вообще

нужно: почти никогда не смотрелась в него по прямому назначению, а брала с собой машинально, как ключи, – вроде мелочь, а без неё неуютно.

На улице стояло серое, влажное утро, пахло мокрым асфальтом и прелой листвой. Тая закрепила телефон на короткой палке, отступила к стене дома для фона и включила запись.

– Всем привет, сегодня мы отправляемся...

Мимо, взревев, проехал автобус.

– Отлично. Даже транспорт хочет участвовать, – она оставила запись.

Второй дубль испортил голубь: спикировал прямо в кадр, деловито прошёлся перед объективом и удалился, не проявив ни малейшего раскаяния.

– Ты не ведущий, – сообщила ему Тая. – У тебя нет разрешения на съёмку.

Третий дубль начался неплохо, но она сбилась в названии улицы, куда собиралась ехать, перепутав его с другим концом города, и махнула рукой.

– Так, ладно, четвёртый раз – не заговор, а профессиональная неизбежность, – она встряхнула волосами, выдохнула и заговорила уже без всякого плана, почти сама с собой: – Знаете, что я вам скажу. Однажды я найду что-то настоящее – и весь город будет это обсуждать.

Фраза выскочила легко, без нажима и без того торжественного голоса, которым она иногда пыталась заканчивать

выпуски, – почти случайно, на самом краю неудачного дубля, пока ветер трепал воротник, а в луже у бордюра подрагивало отражение рекламного щита.

Тая пересмотрела запись. В кадре она выглядела слегка сонной, растрёпанной, с криво прилепленным микрофоном и совсем не той бодростью, которую обычно старалась изобразить для зрителей.

– Оставляем, – решила она. – Не идеально, зато выглядит настоящим.

Она убрала телефон и пошла в сторону остановки, срезая путь через дворы. На углу старого дома, под облупленным карнизом, висели массивные круглые часы в кованой оправе – такие древние, что казались частью самого фасада. Тая мельком взглянула на циферблат, потом на экран телефона.

Секундная стрелка на фасаде на мгновение замерла, будто задумалась, а затем догнала себя резким рывком; минутная при этом осталась совершенно равнодушной к этой суете.

– Ну конечно, – фыркнула Тая, не замедляя шага. – Даже часы сегодня не договорились между собой.

Она пожала плечами. Городские службы вечно что-то не синхронизировали — табло на остановках, часы в переходах, объявления на вокзале; однажды она видела, как два одинаковых электронных указателя одного маршрута показывали отправление с разницей в девятнадцать минут, и оба уверенно мигали зелёным. Обычная техническая несогласованность, не стоящая отдельного расследования.

Автобус уже подъезжал к остановке. Тая прибавила шаг, на ходу проверяя, на месте ли рюкзак с камерой, сканером и всем прочим хозяйством, и не подумала о том, что ждёт её через несколько часов на другом конце города, где эфир, обычно полный шума и обрывков случайных переговоров, готовился заговорить куда более конкретно.

Локация, о которой писали в комментариях, оказалась обычным пустырьём за путепроводом – ряд гаражей с облупленной краской, бетонный забор в чужих признаниях и один ничем не примечательный люк, точь-в-точь такой же, как соседние. Подписчик клялся, что по ночам оттуда слышны голоса из-под земли, и прикладывал фото, которое, если честно, могло быть фотографией любого люка в этом городе.

Тая раскрыла штатив, придавила коленом его разболтанную ногу и включила запись.

– Итак, место, куда меня привела наша общая любознательность...

Договорить не успела: со стороны дороги вылетел мусоровоз, взревел гидравликой и с грохотом уронил контейнер прямо в кадре, будто специально выждал момент.

– Спасибо. Очень атмосферно, – она заглушила запись. – Может, ты у нас тоже призрак?

Второй дубль сорвала пара бродячих собак, устроивших ораторский поединок где-то за гаражами. На третьем моргнула и погасла сама камера, ровно на середине фразы.

– Нет. Нет, нет и нет, – Тая потрясла её, будто это могло вернуть электронике совесть. – Я тебя лично заряжала!

Камера сохраняла молчание, свойственное всей неживой технике в присутствии зрителей.

Тая сдалась, устроилась на перевёрнутом ящике у забора и достала сканер – воткнула один наушник, второй оставила свободным по давней привычке: полностью отключаться от улицы небезопасно, даже если та состоит из гаражей и запаха бензина. Она медленно вела частоту вверх, слушая знакомый узор эфира: переключку таксопарка, чью-то музыку, шипение пустых участков, где ловится только сам город.

И тут сквозняк радиошума вдруг свернулся в чёткую фразу.

– ...техническому составу разрешено следование по законсервированному пути с остановкой на платформе... – голос был механический, ровный, той особой безличной интонацией, которой объявляют задержку электричек. – ...станция «Северный Разрез»... прибытие ожидается...

Голос дал резкий треск, словно кто-то выдернул шнур из розетки, и эфир снова осел в привычный шум.

– Так, – сказала Тая в пустоту. – Так-так-так.

Она открыла в телефоне схему метро, сохранённую для одного из старых выпусков, пролистала дважды, залезла на форум краеведов – и в комментариях трёхлетней давности нашла глухое упоминание: станция официально выведена из всех реестров и замурована со стороны поверхности сорок

лет назад.

– Замурована, – повторила она вслух, и по спине пробежало совсем не то чувство, какое полагается испытывать от страшной находки, а азарт, узнаваемый, привычный – тот самый, что заставлял её стоять в четыре утра под чужими окнами ради одного удачного кадра.

Она покрутила колёсико в обе стороны, переставила покосившуюся антенну – эфир отвечал только честным равнодушным шумом, без повторов. Тогда она включила диктофон в телефоне и наскоро продиктовала всё, что успела запомнить: время, частоту, название станции.

Открыла чат с Мирой. Палец сам набрал: «Слушай, я тут поймала такое...» – и замер.

Мира спросит, откуда сигнал. Попросит переслать запись целиком. Послушает три секунды хриплого шума и вынесет вердикт голосом человека, выросшего среди механизмов: сбой диспетчерской, старое оборудование, перепутанная частота. И, что хуже всего, будет по-своему права – доказательств действительно не было ровно никаких, кроме одной фразы и старого сканера с треснувшей антенной.

Тая удалила черновик одним движением пальца.

– Сначала сама, – сказала она сумке. – А то стыдно потом будет.

Она достала блокнот «гул под мостом», перевернула страницу и вывела одну строчку без пояснений и восклицательных знаков: «Северный Разрез, техсостав, объявление». За-

хлопнула блокнот, убрала в сумку рядом с зеркальцем и вернулась к съёмке пустыря, ни разу не упомянув на камеру куда более настоящий голос, который слышала минуту назад.

К вечеру она уже была на Ремесленной – по дороге заглянула в кондитерскую и на оставшуюся мелочь взяла пакет простого печенья, зная эту семейную породу: если самой не потыкать пальцем в календарь, Мира и её отец с равным успехом либо забудут о дне рождения в общей суете, либо застесняются скромности праздника и просто промолчат о нём.

У витрины мастерской Тая замедлила шаг. Основной свет в зале был погашен, но в глубине, за прилавком, горела одинокая настольная лампа, и в её жёлтом круге сидел Никита, подперев висок ладонью. Перед ним лежала раскрытая тетрадь в клетку, испещрённая столбцами цифр, а рядом белел уголок какой-то узкой казённой бумаги с печатью.

– Опять засиделся над своими записями, – пробормотала Тая, перехватывая пакет поудобнее.

Для неё в этой картине не было никакой драмы – часовщики вечно что-то считали, ругали поставщиков и жаловались на подорожавшую латунь, обычная рутина маленькой лавки.

Дверь скрипнула, и на порог вышла Мира с ключами в руках.

– Ты чего тут застыла? – спросила она.

– Любуюсь семейной идиллией, – Тая тряхнула пакетом. –

Принесла углеводы, чтобы вы завтра не делили одну чёрствую баранку на двоих под разговоры о часовых механизмах.

Мира слабо усмехнулась, принимая пакет.

– Спасибо. Папа сладкое любит.

– Слушай, а когда в этом городе случится хоть что-то по-настоящему интересное? – Тая вздохнула, глядя на пустую улицу. – А то я третий день снимаю гаражи и мусоровозы.

Мира на это ничего не ответила, только чуть дёрнула плечом, – и Тая, разумеется, не могла знать, что вопрос оказался куда менее риторическим, чем ей самой казалось.

– А насчёт завтра вообще что-то решили? – спросила она уже другим тоном. – Или как обычно сделаем вид, что дня рождения не существует?

– Не знаю пока, – Мира отвела взгляд в сторону фонаря, под которым уже кружилась вечерняя мошкарa. – Что-нибудь придумаем, не переживай.

Фраза прозвучала ровно и до странности привычно – той же самой интонацией, какой утром её отец обещал наконец добраться до крана. Тая этого сравнения не знала, но что-то в этих словах ей не понравилось.

– Ладно, гении конспирации, – она вздохнула. – Тогда я тоже что-нибудь придумаю. Насчёт подарка.

– Договорились, – Мира повернула ключ в замке, проверяя, надёжно ли заперто.

Они постояли ещё немного на холодном ветру. Мира молчала про споткнувшиеся уличные часы, про кошку у глухой

стены и про отцовскую квитанцию. Тая молчала про голос диспетчера и станцию, которой давно не полагалось существовать. Обе были уверены, что так безопаснее.

– Пойду я, – Тая зябко передёрнула плечами. – До завтра, чучело.

– До завтра.

Дома Тая рухнула на кровать не раздеваясь, воткнула наушники и открыла диктофон. В уши ударил тихий шум эфира, а сквозь него – всё тот же ровный, безличный голос: «...станция Северный Разрез... повторно, станция Северный Разрез...»

Она нажала повтор. Потом ещё раз. Голос не пугал – он завораживал своей неуместной, безупречной правильностью, той самой зацепкой, которую она искала столько месяцев. Телефон выскользнул из ослабевших пальцев на покрывало, а в наушниках всё так же, не переставая, крутился один и тот же обрывок, пока Тая окончательно не провалилась в сон под его ровный, заикленный счёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.